

О. И. Ганченко

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ШАНТАЖА

В статье анализируются прикладные аспекты применения уголовно-правовых норм ответственности за шантаж.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, шантаж, вымогательство, психическая безопасность, угроза.

O. I. Ganchenko

PECULIARITIES OF THE DETERMINATION OF THE NATURE OF BLACKMAIL

The author analyzes applied aspects of the application of criminal law regulations of responsibility for blackmail.

Keywords: criminal responsibility, crime, blackmail, extortion, mental safety, threat.

Помимо установления конститутивных признаков шантажа, в правоприменительной деятельности возникает также вопрос о квалификации данного общественно опасного деяния. К числу таковых следует отнести проблему уголовно-правовой оценки неоконченного шантажа, его совершения в соучастии, отграничения шантажа от иных преступлений.

В соответствии с предписаниями ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного отечественным уголовным законом. Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Проведенный нами анализ материалов следственно-судебной практики [1] свидетельствует

о том, что в отдельных случаях умысел виновного в шантаже реализуется не полностью по независящим от него причинам, порождая вопрос о квалификации содеянного как неоконченного преступления. Как пишет Д. Ю. Жданухин, «все составы преступления, связанные с использованием шантажа, включают в объективную сторону два деяния (угрозу и требование), если совершено только одно из них,

а другое, по независящим от виновного обстоятельствам, не реализовано, то субъект должен нести ответственность за покушение на соответствующее преступление» [2, с. 93].

Вместе с тем сложность в подобных ситуациях вызывает вопрос о совмещенности угрозы и требования. В результате рассмотрения признаков шантажа, если не будет установлено подкрепление требования виновного соответствующей угрозой, оценка содеянного как шантажа исключается. Затруднения могут возникать в тех случаях, когда требование и угрозы отдалены по времени. Кроме необходимости установить связь требования и угрозы нужно определить единого умысла, направленного на достижение единой цели виновного — выгодного варианта поведения потерпевшего.

Практике известны ситуации, когда шантаж совершается в соучастии. При этом изучаемое общественно опасное деяние может быть совершено не только с помощью какой-либо формы соучастия (ст. 35 УК РФ), но и с распределением ролей. Это возможно, в частности, при стремлении виновных к максимальной конспирации своих преступных действий. Например, одно лицо может требовать определенных показаний от потерпевшего, а

другое — угрожает распространением нежелательных для огласки сведений.

В этой и подобных ситуациях необходимо установить согласованность действий виновных, их взаимообусловленность, и наличие общего для них умысла.

Стоит отметить, что для признания шантажа оконченным деянием наступления каких-либо последствий не требуется. По мнению Д. Ю. Жданухина, «причина формулировки именно формальных составов... связана с общественной опасностью и вероятностным характером наступления последствий шантажа и других способов, указанных в упомянутых статьях. Шантаж как стрессовый фактор вызывает, как правило, определенные неблагоприятные изменения в здоровье человека, выполнение же требований, предъявленных при шантаже, может причинить самые разнообразные последствия: от имущественного ущерба до нарушения нормального функционирования системы правосудия. Многоаспектность и достаточная неопределенность негативного воздействия шантажа делает формулирование формальных составов в данном случае оправданным» [2, с. 93—94].

Вместе с тем вполне очевидно, что практически любое действие влечет за собой какие-либо последствия во внешнем мире. Отдельные из них могут потребовать самостоятельной уголовно-правовой оценки. Шантаж, являясь разновидностью психического насилия, может повлечь весьма разнообразные последствия для здоровья человека. В науке уголовного права обосновано, что следствием шантажа может быть в том числе расстройство здоровья потерпевшего [3, с. 226—233].

Необходимо подчеркнуть, что случаи причинения вреда здоровью в результате шантажа не охватываются виновным как способ совершения преступления. В зависимости от характеристик вины субъекта преступления будет наступать уголовная ответственность по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим уголовно-правовые запреты

таких деяний (например, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности).

Иные последствия шантажа, в частности совершение потерпевшим выгодных для виновного актов поведения тоже в определенных ситуациях могут потребовать самостоятельной квалификации. Так, если в результате вымогательства путем шантажа потерпевший передает принадлежащее ему имущество, то этот факт отдельной уголовно-правовой оценки не требует. Аналогично, к примеру, и в случаях дачи показаний, совершения сделки под влиянием шантажа.

В то же время не исключены ситуации, при которых потерпевший под воздействием шантажа будет вынужден совершить преступление. По этому аспекту О. И. Коростылев справедливо отмечает следующее: «В такой ситуации действия лица, склоненного к совершению преступления путем угрозы, будут менее общественно опасны, нежели действия склоненного уговором или подкупом, и даже, в зависимости от конкретных обстоятельств, вплоть до признания их непроступными, так как применяется обстоятельство, исключающее преступность деяния, — психическое принуждение, предусмотренное ч. 2 ст. 40 УК РФ» [4, с. 83].

В силу ч. 2 ст. 40 и ст. 39 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости (причинения вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный). Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Следовательно, если потерпевший под воздействием шантажа незаконно передает виновному имущество, которое было вверено потерпевшему, то действия первого могут быть квалифицированы как хищение (ст. 160 УК РФ). Применению для потерпевшего от шантажа в таком случае подлежит обстоятельство, смягчающее наказание, предусмотренное п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ — совершение преступления в результате психического принуждения.

Такой вывод закономерно вызывает вопрос о квалификации действий виновного как подстрекательства к совершению преступления. Согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ, подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

В теории уголовного права бытует мнение о том, что статьи российского уголовного закона, «в которых предусмотрена уголовная ответственность за преступления, по своей сути представляющие собой подстрекательские действия... являются специальными по отношению к ч. 4 ст. 33 УК РФ» [5, с. 187]. Исключение составляет вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ, действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления [6]. Как пишет З. А. Абакаров, «государство устанавливает уголовную ответственность специально за подстрекательские действия в отношении несовершеннолетнего, считая именно данный факт общественно опасным и именно за данный факт устанавливая уголовное наказание. Взрослый подстрекатель в данном случае отвечает за сам способ совершения преступления путем использования несовершеннолетнего, который, в свою очередь, уже является субъектом преступления» [5, с. 187].

Необходимо подчеркнуть, что норма Особенной части, предусматривающая по своей сути подстрекательские действия, является специальной по отношению к ч. 4 ст. 33 УК РФ только

в том случае, когда в ней прямо указывается на факт вовлечения, склонения, принуждения к преступлению. В противном случае, когда в норме не содержится ссылки на подстрекательство

к совершению конкретного преступления, действия виновного следует квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений. То есть в описанной ранее ситуации с хищением действия виновного в шантаже (при условии, что он одновременно подстрекал и к совершению хищения) необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

Таким образом, выполнение потерпевшим от шантажа требований виновного влечет уголовную ответственность первого только в случае, если содеянное потерпевшим образует самостоятельный состав преступления. При назначении наказания учитывается обстоятельство, смягчающее наказание, закрепленное п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Кроме того, при решении вопроса об уголовной ответственности шантажируемого необходимо применять положения ч. 2 ст. 40 УК РФ. В данной ситуации лицо, виновное в шантаже, несет уголовную ответственность только по норме, его предусматривающей, а в случае, когда в такой норме не содержится ссылки на подстрекательство к совершению конкретного преступления, действия виновного следует квалифицировать по совокупности норм об ответственности за шантаж и за подстрекательство к совершению конкретного преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Исключение составляет вовлечение несовершеннолетнего путем шантажа в совершение преступления — здесь применению подлежит ст. 150 УК РФ по совокупности с нормой об ответственности за подстрекательство к совершению конкретного преступления.

Практике правоприменения известны случаи, когда виновный в шантаже реализовывал свою

угрозу. В подобных ситуациях решению подлежит вопрос об уголовно-правовой оценке таких действий субъекта преступления: «При расследовании случаев шантажа, правоохранительные органы должны учитывать, что получение сведений, используемых при шантаже, их распространение может требовать самостоятельной квалификации по совокупности» [2, с. 95].

Сведения, распространением которых угрожает виновный в шантаже, могут составлять охраняемую законом тайну, и виновный может ею обладать отнюдь не на законных основаниях. В таком случае необходимо установить ее происхождение. В частности, уголовную ответственность влечет незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия (ст. 137 УК РФ), собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом (ст. 183 УК РФ).

Вместе с тем исследовательский интерес представляет вопрос о распространении соответствующих сведений. А. Г. Уфалов утверждает, что реализация угрозы распространения заведомо ложных, вымышленных, позорящих сведений о потерпевшем или его близких влечет за собой квалификацию по совокупности за шантаж и клевету [7, с. 138], а исполнение угрозы распространения информации частного характера, составляющей личную или семейную тайну, например, о здоровье потерпевшего или его близких, их привычках, образе жизни, отношении к религии, интимных связях, бывшей судимости, некредитоспособности, больших долгах и т. д. требует квалификации по совокупности за шантаж и нарушение неприкосновенности частной жизни [7, с. 139].

Однако такая точка зрения поддерживается не всеми авторами. Так, А. Г. Кибальник, В. Н. Клочков и И. Г. Соломоненко полагают, что поскольку в ч. 1 ст. 163 УК РФ «упоминается угроза распространения сведений о лице и близких,

которые „могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего и его близких“... разглашение сведений, составляющих личную или семейную тайну, безусловно, причиняет такой „вред“ и, вследствие включения этого признака в качестве конструктивного, вменение части 1 ст. 137 УК РФ излишне» [8, с. 69].

Считаем, что данное утверждение является дискуссионным. Обоснованием нашей точки зрения может служить тот факт, что распространение сведений о частной жизни лица не закреплено в ч. 1 ст. 163 УК РФ, где указывается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые *могут* причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. То есть в тексте закона указывается лишь на свойства информации, образующей содержание угрозы, но никак не на способ совершения преступления. Кроме того, признаком возможности причинения вреда не охватывается фактическое его причинение.

На основании изложенного можем утверждать, что реализация угрозы в шантаже, выразившаяся в факте распространения охраняемой законом тайны, подлежит квалификации по совокупности шантажа и соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Такого же мнения придерживаются 70 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Если же угроза в шантаже была реализована посредством распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содеянное квалифицируется как шантаж по совокупности со ст. 128 УК РФ (Клевета).

Изучение материалов следственно-судебной практики вызвало необходимость рассмотреть вопрос о квалификации шантажа в ситуациях, когда виновный угрожает распространением несуществующих сведений. Приведем следующий пример, хотя и не относящийся напрямую к шантажу, но аналогичная ситуация возможна и в случае шантажа. Так, Гагаринским районным судом г. Москвы З. и Г. признаны виновными в

совершении вымогательства, т. е. требования передачи чужого имущества под угрозой применения насилия, совершенного группой лиц по предварительному сговору в целях получения имущества в особо крупном размере.

Подсудимые З. и Г. при неустановленных следствием обстоятельствах, преследуя корыстные цели, вступили в преступный сговор между собой для вымогательства в целях получения имущества в особо крупном размере — денежных средств К., знакомого З. Они договорились сообщить К. вымышленную информацию о намерениях некоего лица убить К. и осуществленном найме таким лицом убийцы. Было также сообщено потерпевшему, что убийство можно предотвратить, если К. перечислит на указанный ему счет денежные средства в сумме 3,4 млн рублей. З. и Г. намеревались завладеть денежными средствами, осуществив их вымогательство под угрозой убийства потерпевшего, и затем поделить похищенные деньги между собой.

В приговоре отмечается, что суд подошел критически к оценке Г. своих действий как совершению покушения на мошенничество. Вопреки мнению защиты, у суда нет оснований для перекалфикации действий подсудимых на ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ, поскольку такая квалификация не нашла подтверждения.

На основе совокупности доказательств судом установлено, что подсудимые вступили в предварительный преступный сговор, действуя из корыстных побуждений, на совершение вымогательства имущества К. в особо крупном размере. Умысел З. и Г., каждого подсудимого, был направлен именно на совершение вымогательства, несмотря на недостоверность сообщаемых потерпевшему сведений (обман) о решении неких лиц убить его. Совокупностью доказательств, в том числе и показаниями подсудимого Г., суд установил: подсудимые осознавали, что предъявляют незаконное имущественное требование, причем в качестве средства воздействия на потерпевшего при этом используют угрозу, и желали именно таким путем добиться передачи им чужого имущества в особо крупном размере.

Суд отметил, что для квалификации действий подсудимых (каждого) как вымогательства не имеет значения, намерены ли были они привести свою угрозу в исполнение при отказе потерпевшего исполнить требование или нет. Из показаний потерпевшего К. следует, что он воспринял сообщение о расправе с ним неким лицом («заказчиком») реально, имел основания после такого сообщения опасаться за свою жизнь, и ему было сообщено лицом, представившимся Юрием (т. е. подсудимым Г.), что только лишь заплатив 100 тыс. долл. США, он сможет обезопасить свою жизнь. Таким образом, требования передачи денежных средств сопровождались психическим насилием, передача денежных средств обуславливала возможность избежать смерти потерпевшему, и требования передачи денег были высказаны под угрозой расправы с потерпевшим [9].

Проводя параллель описанной ситуации с шантажом, возникает вопрос об обоснованности квалификации содеянного по ст. 163 УК РФ. В рамках проводимого нами исследования необходимо определить возможность квалификации содеянного как шантажа в случае угрозы распространения несуществующих сведений. Ситуация могла бы выглядеть аналогично изложенной, но вместо информации о предстоящем убийстве виновный оперировал бы информацией о предстоящем разглашении третьим лицом каких-либо нежелательных для огласки (но не существующих в действительности) сведений.

В теории уголовного права данный аспект привлекал внимание специалистов. Так, Р. З. Абдулгазиев пишет, что «если потерпевший поверил субъекту и воспринял его как избавителя от действительной опасности, то содеянное образует покушение на мошенничество, а при получении субъектом имущества — оконченное хищение. Если же потерпевшему ясны истинные намерения виновного и то, что угроза исходит именно от него, следует заключить, что потерпевший испытывает не заблуждение, а страх, который и должен побудить его к действию. Такое деяние является вымогательством» [10, с. 101].

По нашему мнению, рассуждения данного автора заслуживают поддержки. Стоит отметить, что в приведенном примере усматриваются признаки мошенничества. Мошенничество совершается путем обмана, под воздействием которого владелец имущества передает его виновному. Пленумом Верховного суда РФ указывается, что обман как способ совершения хищения может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям [11].

Таким образом, в случаях требования от лица чужого имущества или права на чужое имущество под угрозой распространения несуществующих сведений, и распространение которых невозможно (что представляет собой обман), содеянное подлежит квалификации как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Эту точку зрения разделили 58 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Следует отметить, что в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда шантаж сопровождается угрозами иного характера либо применением насилия. Как свидетельствуют результаты исследования, в таком случае могут быть применены две или более нормы по совокупности. Возможно перерастание шантажа в более тяжкое преступление того же вида [12, с. 16]. Например, вымогательство путем шантажа может перерасти в вымогательство с применением насилия (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ). В данном случае содеянное квалифицируется по норме об ответственности за более тяжкое преступление. Если же шантаж предусмотрен в качестве способа совершения преступления наряду с иными, содеянное квалифицируется как единичное преступление с обязательным указанием в правоприменительном документе на все установленные способы совершения преступления.

Примечания

1. В ходе исследования данной проблемы автором в период с 2008 по 2012 гг. анализировались статистические данные ГИАЦ МВД России, изучались материалы 160 уголовных дел о преступлениях, связанных с шантажом; был проведен социологический опрос 150 сотрудников правоохранительных органов и судов в качестве экспертов; изучена опубликованная, в том числе посредством ГАС РФ «Правосудие», судебная практика по обозначенной проблеме.

2. Жданухин Д. Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

3. Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М.: Юрлитинформ, 2009.

4. Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: моногр. Ставрополь: СФ КА МВД России, 2005.

5. Абакаров З. А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

6. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 4.

7. Уфалов А. Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за вымогательство и шантаж: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

8. Кибальник А. Г., Клочков В. Н., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: моногр. Ставрополь: Сервисшкола, 2005.

9. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 19 августа 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gagarinsky.msk.sudrf.ru> (дата обращения: 18.09.2011).

10. Абдулгазиев Р. З. Вымогательство по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

11. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2008. № 2.

12. Коростылев О. И. Квалификация преступлений: учеб.-практ. пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2006.

© Ганченко О. И., 2013